УДК 069.02:008:159.922.4(571.17)=512.1
DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-67-71

П. В. Глушкова, кандидат культурологии,
Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Россия)
polina-glushkova@mail.ru

Т. И. Кимеева, кандидат культурологии, доцент,
Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Россия)
tat-kimeeva@mail.ru

РОЛЬ ПОДЛИННЫХ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И НЕОТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Рассмотрен вопрос о соотношении содержания понятий «традиция» и «неотрадиция»; перечислены основные механизмы формирования неотрадиции. Проанализированы проблемы формирования этнокультурной идентичности личности и социальных групп, охарактеризована роль традиции и неотрадиции в этом процессе. Рассмотрены эффективные способы актуализации утраченных культурных традиций двух коренных малочисленных народов Притомья (Западная Сибирь, Россия) – шорцев и бачатских телеутов. Представлен обзор объектов нематериального культурного наследия из собраний различных российских музеев.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, традиция, неотрадиция, этнокультурное наследие, нематериальное наследие, обрядность, актуализация культурных традиций, музейные собрания, шорцы, бачатские телеуты.

На сегодняшний день в условиях глобализации, урбанизации, информатизации общества остро встают вопросы не только сохранения наследия, но и формирования этнокультурной идентичности. Под этнокультурной идентичностью принято понимать принятие индивидом общности с определенной этнической группой на основе разделяемой культуры, осознанную принадлежность личности к определенной этнической общности при уяснении ее целостности, разделении ценностей данной группы, а также демонстрации данного единства [1, с. 73].

Известными российскими этнологами обосновывается тот факт, что традиция играет едва ли не ключевую системообразующую роль в структуре этноса [2, с. 52–60]. Именно традиции способствуют объединению как микро-, так и макросоциальных групп. Традиция – не статичная категория, она подвержена изменению, эволюционирует и меняется под влиянием адаптивно-адаптирующих механизмов [3, с. 81]. Поэтому в этнографии, философии и культурологии сложились различные подходы к пониманию традиции. Однако при любом из них не наблюдается расхождения мнений о традиционности этнической культуры. Интерпретация традиции заключается в ее трактовке как определенной форме хранения и трансляции культурной информации во времени и пространстве, как наследуемом актуальном опыте человечества. Помимо бытового и этнографического принято выделять и фило-

софское значения термина «традиция» по причине того, что слабостью этнографического подхода является однозначная увязка факта существования традиционной культуры только с прошедшими эпохами. С 1960-х годов в отечественных социогуманитарных науках имело место «представление об особом диахроническом динамизме традиций как о сменяющих друг друга этапах эволюции духовной жизни. Само понимание традиции находилось в зависимости от оценки нововведений как таковых и от роли, отводимой им в становлении социума» [4, с. 10]. В конце 1980 – начале 1990-х годов проблемы определения понятия «традиция» активно обсуждались культурологами, этнографами, фольклористами. В публикациях К. В. Чистова традиция предстает как система связей настоящего с прошлым, механизм аккумуляции, передачи и актуализации человеческого опыта, то есть культуры. К. В. Чистов считает в определенном роде синонимичными понятия культура и традиция: «термин "культура" обозначает сам феномен, а "традиция" – механизм ее формирования, трансмиссии и функционирования. Традиция же понимается как система связей настоящего с прошлым. Внутри этой системы осуществляется определенный отбор, происходит стереотипизация опыта и передача стереотипов [5, с. 105]. Общий подход к изучению традиции как диалектически развивающемуся процессу в синхронном и диахронном аспектах разделяли К. В. Чистова и С. А. Арутюнова [6].

На основе традиции формируются неотрадиции, а именно, традиция, адаптированная к современным условиям. Как отмечает Ю. В. Попков, говоря о вариациях неотрадиции, «ни одна из них не воспроизводит традицию аутентично, в чистом виде. Это определяется как тем, что традиция непременно актуализируется средствами современной культуры, так и тем, что данная актуализация направлена на удовлетворение потребностей современности» [7, с. 48].

Стоит отметить, что традиция и неотрадиция – не тождественные понятия. Существует ряд существенных отличий как в трансляции, так и в функционировании данных категорий. Трансляция традиции осуществляется естественным способом. Традиции передаются в семье, от родителей к детям, усваиваются ими как непреложные ценности, а после, в свою очередь, транслируются следующему поколению. Традиция характеризуется относительной неизменностью и стабильностью. Говоря о традициях, стоит отметить также иррациональность их воспроизведения. Традиционный элемент воспроизводится потому, что так положено, объяснения же реальными причинами в данном случае невозможно.

Неотрадиция, в свою очередь, представляет собой рациональное объяснение необходимости обращения к традиции. Неотрадиции в большинстве случаев формируются не в естественной социокультурной среде, а различными социокультурными институтами, и появление их продиктовано целью формирования той же этнокультурной идентичности. Активное формирование неотрадиций приходится на 1990-е годы – переломный период, когда закономерно, по мнению О. Н. Шелегиной, происходит обращение к традиционной культуре [8, с. 274]. При этом, по мнению культурологов и музееведов, возникает необходимость уточнения того факта, что переломным считается момент, когда происходит разрушение одной культурной парадигмы и отсутствие новой. Очень важно, чтобы возникающие инновации либо органично вытекали из традиции, опираясь на нее, либо обладали способностью заменить традицию, дав возможность предоставлению альтернативы [9, с. 25]. «Стремление восстановить естественный процесс динамики традиции вызвало внедрение инородных элементов в систему культуры, а также активизацию элементов массовой культуры, но данные элементы оказались неспособны выполнять функцию утраченных традиций. Как реакция возникло увлечение народной культурой» [10, с. 28].

Если традиция к настоящему времени полностью утрачена в среде бытования, её ревитализация возможна только на основе исследования материалов музейных собраний, так как подлинные объекты наследия зафиксированы во время функционирования этой традиции в данной среде и хранятся в музейных фондах, архивах.

Чтобы проанализировать процесс формирования неотрадиции, стоит обратиться к конкретным примерам. Так, например, культурное наследие шорцев, одного из коренных малочисленных народов Сибири, на сегодняшний день, как показывают материалы полевых исследований, в значительной степени руинировано. Особенно это проявляется в отношении духовной культуры. Традиционные обряды не воспроизводятся, более того, они практически утрачены в памяти носителей традиции, в то время как материалы музейных собраний содержат достаточное количество сведений для их реконструкции.

В конце XIX – начале XX вв. исследователями Горной Шории был зафиксирован обряд «шаачыг/шаачыл», относящийся к циклу весенних и направленный на почитание духов гор и рек, имеющий продуцирующее значение. Посетившая в 1927 году специально для изучения этого обряда Горную Шорию Н. П. Дыренкова опиралась на данные о почитании священной «земли-воды» В. И. Вербицкого (1885 г.), В. В. Радлова (1897 г.) и С. Е. Малова (1909 г.). Собранные Н. П. Дыренковой в 1920-е годы сведения о еще бытовавшем в этот период обряде позволяют представить его в достаточно полном виде [11, с. 131, 139–184]. Архивные материалы кузнецкого краеведа К. А. Евреинова подтверждают бытование этого обряда у шорцев в 1930-е годы [12].

Традиционный обряд включает в себя несколько составляющих: символическое действие, вербальный элемент, ритуальная атрибутика, привязанность к определенному локусу. По материалам собраний музеев России возможно реконструировать все обозначенные компоненты.

К. А. Евреинов в 1934 году не только составил этнографическое описание обряда, но также зафиксировал приемом карандашных зарисовок место совершения обряда – священную рощу «каин шаачен» в Абинском улусе, связанную с обрядом ритуальную атрибутику. Н. П. Дыренковой, ленинградским фольклористом и этнографом, посредством записей в полевых дневниках были зафиксиро-

рованы все элементы обряда и ритуальные тексты. Таким образом, в трудах вышеобозначенных исследователей содержится описание обрядовых действий до 1935 года. Кроме того, Н. П. Дыренковой были собраны и переданы в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого овеществленные компоненты обряда «шаачыг» – гирлянда «чалаба» (МЭА 3645/1, 2, 3), культовая утварь (МАЭ 3645/119, 120). Они заключают в себе ярко выраженное ритуальное значение и подчеркивают родовой характер обряда: гирлянда связана из цветных лент ткани, каждая из которых передана женщиной рода, члены которого являются участниками обряда, и перьев глухарей, собранных у мужчин этого же рода. Сопутствующая ритуальная атрибутика включает утварь для жертвенного напитка: большой (общеродовой) и малый (семейные) тусса, деревянные чашки и ложки, берестяные черпаки.

Следует отметить, что атрибутика с ярко выраженной ритуальной семантикой в естественных условиях проживания бачатских телеутов и шорцев утрачена и не воспроизводится. В музейных коллекциях она представлена ограниченно, так как уничтожалась по окончании обряда.

После 1930-х годов обряд был полностью утрачен в среде бытования, и на протяжении долгого времени носители традиции не обращались к нему. Процессы, доминирующие в социокультурной среде в конце XX – начале XXI вв., возбудили в обществе интерес к возрождению традиционной культуры. В 2002 году в г. Новокузнецке представителями шорской интеллигенции впервые был проведен обряд «Чал пажы/чыл пажы», представляющий собой модификацию традиционного обряда [13, с. 208]. Помимо того, что обряд получил новое название, были также по-новому интерпретированы его семантическая и акциональная составляющие. Традиционно обряд совершался весной и был направлен на почитание духов, способных обеспечить удачу на промысле. «Чал пажы» стал интерпретироваться как начало нового года, прощение со всем старым, духовное очищение. В соответствии с новой семантикой были введены новые обрядовые действия: так, в костре в форме колодца сжигались ленты, что символизировало уничтожение всего плохого, что было в прошлом и т. д. Название же обряду было дано по словосочетанию из текста шаманского камлания, зафиксированного Н. П. Дыренковой во время присутствия на обряде «шаачыл» у шорцев рода Таяш по реке Пызас, преодолев-

шей для этого километры непроходимой весенней дороги по черневой тайге. Его связь с новым годом была интерпретирована на основании строк текста кама: «Чистое кропление мы совершаем; Голову года мы поднимаем» [14, с. 341].

Впоследствии обряд стал проводиться социокультурными институтами: музеями и домами культуры. Он является ежегодным мероприятием в Историко-культурном и природном музее-заповеднике «Томская Писаница», в Краеведческом музее г. Междуреченск и др. Стоит отметить, что в естественной социокультурной среде изобретенный обряд не «прижился», в глухих шорских улусах, как показывают материалы экспедиций, только слышали, что обряд проводят в городах. В данном случае возникает вопрос о правомерности обозначения вновь созданного обряда как неотрадиции, так как подлинная традиция слишком подверглась изменению, а не была органично приспособлена к современным условиям. То же самое наблюдается в отношении воспроизведения традиционного костюма шорцев. «Неотрадиционный» костюм включает в себя элементы костюмов разных народов Сибири, например, чукотские височные подвески и нагрудные украшения в виде меховой солярной розетки, а, следовательно, не выполняет основную функцию неотрадиции – не способствует идентификации себя как части единой общности, объединенной единством традиции, а скорее это единство разрушает.

По-иному обстоят дела с традиционной культурой бачатских телеутов. Сегодня бачатские телеуты воспроизводят традиционный костюм, а также создают современные его вариации на основе подлинной традиции. Примером является нагрудное украшение «тöштөк», традиционные элементы декорирования воротников рубахи – берестяные квадратики «акча», ушитые в технике плоской глади металлизированной нитью с позолотой. Интересен опыт ревитализации традиционного свадебного обряда. Изначально обряд был воспроизведен на базе Историко-этнографического музея «Чолкой», теперь же ни одна свадьба в селе Беково не проходит без того, чтобы молодожены не приехали на ритуальный жертвенник и не совершили обрядовые действия, пусть и в усеченном варианте. В данном случае неотрадиция целиком базируется на подлинной традиции, является органичной ее модификацией под воздействием адаптационных процессов.

Таким образом, традиция и неотрадиция

способствуют формированию этнокультурной идентичности. Неотрадиция базируется на традиции подлинной. Если объекты культурного наследия достаточно давно утратились в среде бытования, то реконструкция традиции должна осуществляться с опорой на материалы музейных собраний. Только в том случае, если инновация опирается на традиционные формы проявлений культуры, она способна стать неотрадицией. Так как главным принципом при рождении неотрадиции является соблюдение равновесия между традицией и инновацией. Традиционная культура при этом не подлежит разрушению, а сохраняется в снятом виде, модифицируясь в современных условиях.

Список литературы

1. Мадюкова, С. А. Общенациональная и этническая идентичность молодёжи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе / С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, Ю. В. Попков // Социология и жизнь. 2017. № 3. С. 69–83.
2. Бромлей, Ю. В. Культура и её этнические функции // Этнос и этнография. Москва, 1973. С. 52–60.
3. Маркарян, Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–97.
4. Мадюкова, С. А. Феномен социокультурного неотрадиционализма / С. А. Мадюкова, Ю. В. Попков. Санкт-Петербург, 2011. 132 с.
5. Чистов, К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2. С. 105–107.
6. Арутюнов, С. А. Расы и народы. Москва, 1989. 247 с.
7. Попков, Ю. В. Этнокультурный неотрадиционализм и социокультурный подход / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 4. Т. 11. С. 44–49.
8. Шелегина, О. Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск, 2014. 396 с.
9. Глушкова, П. В. Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири. Кемерово, 2015. 296 с.
10. Егле, Л. И. Традиционная культура: основные подходы к исследованию // Вестник Кемеровского государственного университета культуры. 2014. № 9. С. 43–50.
11. Дыренкова, Н. П. Тюрки Саяно-Алтая : статьи и этнографические материалы. Санкт-Петербург, 2012. 408 с. (Кунсткамера – Архив, т. 6).
12. Евреинов, К. А. Рукопись 1935 г. // Архив Новокузнецкого краеведческого музея. Д. 6. Оп. 1. Л. 1.
13. Кимеев В. М. Формирование обрядности шорцев под влиянием соседних народов – хакасов, алтайцев, русских сибиряков: ретроспектива и современность // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.: население, хозяйство, культура. Горно-Алтайск, 2018. С. 07–212.
14. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва ; Ленинград, 1940. 449 с.

Polina V. Glushkova, Ph. D. in Cultural Studies
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia)
polina-glushkova@mail.ru

Tatiana I. Kimeeva, Ph. D. in Cultural Studies, Associate Professor
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia)
tat-kimeeva@mail.ru

A ROLE OF ORIGINAL ITEMS OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE AND NEO-TRADITIONS IN CONSTRUCTION OF AN ETHNIC AND CULTURAL IDENTITY

Abstract. The paper considers an issue of correlation between concepts “*a tradition*” and “*a neo-traditions*”; named the key mechanisms of construction of *a neo-tradition*. The authors analyses problems of building an ethnic and cultural identity of a personality and social groups, describes a role of *a neo-tradition* in this. The effective ways of revitalization of lost traditions generated by Shors and Teleuts, two of indigenous peoples of Pritome (West Siberia, Russia), are named. Also, the article reviews items of intangible cultural heritage from stocks of various Russian museums.

Keywords: *an ethnic and cultural identity, a tradition, a neo-tradition, ethnic and cultural heritage наследие, intangible cultural heritage, ritualism, revitalization of cultural traditions, museums stocks, Shors, Teleuts.*

References

1. Madyukova, S. A. Obschenatsional'naya i etnicheskaya identichnost' molodezhi eticheskikh grupp

respublik Sibiri v sravnitel'noy perspective [All-National and Ethnic Identity of Youth Ethnic Groups from Siberian Republics in a Comparative Perspective]

/ S. A. Madyukova, O. A. Persidskaya, YU. V. Popkov // *Sociologia I zhizn'* [Sociology and Life]. 2017. No. 3. С. 69–83. [In Russ.].

2. Bromley, Yu. V. Kul'tura i eye etnicheskiye funktsii [Culture and Its Ethnic Role] // *Etnos i etnografiya* [Ethnos and Ethnography]. Moscow, 1973. Pp. 52–60. [In Russ.].

3. Markaryan, E. S. Uzlovyye problemy teorii kul'turnoy traditsii [Key Problems of Cultural Tradition Theory] // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1981. № 2. Pp. 78–97 [In Russ.].

4. Madyukova, S. A. Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma [The Phenomenon of Sociocultural Neotraditionalism] / S. A. Madyukova, Yu. V. Popkov. Saint Petersburg, 2011. 132 p. [In Russ.].

5. Chistov, K. V. Traditsiya, «traditsionnyye obshchestva» i problema var'irovaniya [Tradition, “Traditional Societies” and an Issue of Variability] // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1981. № 2. Pp. 105–107 [In Russ.].

6. Arutyunov, S. A. Rasy i narody [Races and Peoples]. Moscow, 1989. 247 p. [In Russ.].

7. Popkov, Yu. V. Etnokul'turnyy neotraditsionalizm i sotsiokul'turnyy podkhod [Ethnocultural Neotraditionalism and Sociocultural Approach] / Yu. V. Popkov, E. A. Tyugashev // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy]. 2013. No. 4. Vol. 11. Pp. 44–49 [In Russ.].

8. Shelegina, O. N. Muzeyny mir Sibiri: istoriya i sovremennyye tendentsii razvitiya [Museum World of Siberia: History and Current Trends]. Novosibirsk, 2014. 396 p. [In Russ.].

9. Glushkova, P. V. Aktualizatsiya kalendarnoy obryadnosti russkikh v deyatelnosti muzeev pod otkrytym небом v Sibiri [Revitalization of Russians' Calendar Ritualism in Open-Air Museums in Siberia]. Kemerovo, 2015. 296 p. [In Russ.].

10. Egle, L. I. Traditsionnaya kul'tura: osnovnyye podkhody k issledovaniyu [A Traditional Culture: Key Research Approaches] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of Kemerov State Institute of Culture]. 2014. No. 9. Pp. 43–50 [In Russ.].

11. Dyrenkova, N. P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskiye materialy [Turks of Altai-Sayan Region]. Saint Petersburg, 2012. 408 p. (Kunstkamera – Archive, vol. 6). [In Russ.].

12. Evreinov, K. A. Rukopis' 1935 g. [Manuscript, 1935] // *Arhiv Novokuznetskogo kraevedcheskogo muzeya* [Archive of Novokuznetsk Museum of Local History]. Case 6. List 1. P. 1. [In Russ.].

13. Kimeev, V. M. Formirovaniye obryadnosti shortsev pod vliyaniyem sosednikh narodov – khakasov, altaytsev, russkikh sibiryakov: retrospektiva i sovremennost' [Genesis of Shors' Ritualism under the Influence of Neighboring Peoples, the Khakas People, Altaians, Russian Siberians: Retrospective Review and Modernity] // *Altay – Zapadnaya Sibir' v XIX – nachale XX vv.: naseleniye, khozyaystvo, kul'tura* [Altai – Western Siberia in the 19th – early 20th Centuries: Population, Economics, Culture]. Gorno-Altaysk, 2018. Pp. 207–212. [In Russ.].

14. Dyrenkova N. P. SHorskiy fol'klor [Shors' Folklore]. Moscow ; Leningrad, 1940. 449 p. [In Russ.].

УДК 378.1:008(476)

DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-71-77

А. А. Корбут, кандидат педагогических наук, доцент,
Белорусский государственный университет культуры и искусств (Минск, Беларусь)
buk@buk.by

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ – ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА КОЛЛЕКТИВА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Аннотация. Представлены приоритетные направления работы научно-педагогических работников Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск, Республика Беларусь) по изучению, сохранению и популяризации образцов традиционной культуры и народного искусства. Охарактеризован опыт ознакомления обучающихся университета с образцами песенного, музыкального, танцевального, игрового фольклора народов Беларуси в ходе образовательного процесса и производственной практики в крупнейших учреждениях культуры страны. Указаны ключевые векторы информационно-поисковой и научно-исследовательской работы подразделений университета в области этнографии этносов, населяющих современное белорусское государство. Охарактеризован опыт включения фольклорных материалов в репертуары творческих коллективов Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Ключевые слова: белорусский фольклор, традиционная культура, народно-песенная культура, танцевальный фольклор, традиционные ремёсла, ревитализация, Белорусский государственный университет культуры и искусств, учебно-воспитательный процесс.